

IV. Тюркские языки

Формы выражения прямого объекта в долганском языке

Артемьев Н.М.

В большинстве тюркских языков прямой объект выражают две формы – основной и винительный падежи. В некоторых из них, а именно в узбекском, киргизском, тувинском языках, признано три падежа прямого объекта: основной, винительный и исходный. В тофском языке четыре: названные падежи и частный падеж. Поэтому в большинстве тюркских языков два падежа, выражающие прямой объект, составляют четкую оппозицию по линии определенность/неопределенность объекта или конкретная предметность/отвлеченная предметность. В тех языках, где отмечается еще одна, а в тофском и две формы, эта оппозиция в целом сохраняется, поскольку исходный и частный падежи выражают также неопределенность объекта, но только в партитивном значении.

В якутском языке констатируется пять форм, выражающих прямой объект: основной, винительный, частный, исходный, винительный-сбирательный падежи [8, с. 118; 4, с. 23]. Само наличие стольких форм свидетельствует о более сложных взаимоотношениях между ними, нежели прямая оппозиция определенность/неопределенность объекта. Это взаимоотношения семантического порядка, поскольку функционально они однородны.

Анализ долганского материала, связанного с данной темой, позволяет говорить о том, что в отношении долганского языка утверждение о пяти падежных формах выражения прямого объекта не может быть принято безоговорочно. Во-первых, т.н. "винительный-сбирательный" падеж на -лары не включается в парадигму падежной системы и в якутском, и в долганском языках. В грамматике О.Бётлингга [12] эта форма не отмечена. Впервые она зафиксирована была С.В.Ястремским [10, с. 14,25] и включена в его "Грамматику якутского языка" как совместный падеж на -лары [11, с.54]. Н.Н.Поппе в своей "Учебной грамматике якутского языка" только упомянул в качестве совместного падежа [6, с.70]. В остальных грамматических работах эта форма не отмечалась как падежная. Только Е.И.Убрятова в "Исследованиях по синтаксису якутского языка" указала на употребление формы на -

лары как падежной в оригинальной и переводной художественной литературе [8, с.132]. Авторы "Грамматики современного литературного якутского языка" не включили ее в парадигму падежей, отмечая ее слабую дифференцированность от наречно-обстоятельственных значений и специфичность условий ее применения [3, с. 140]. Примеры: Быһабы кыһынар аҕал 'Отдай нож вместе с ножнами'; Аты ыһырдары биэрдим 'Я отдал коня вместе с седлом'. Такие формы слова употребляются довольно редко, они легко заменяются другими средствами. Например: Быһабы кыһын кытта аҕал. Более привычно употребление этой формы в наречном значении: Тууннэри, куустэри үлэлиллэр 'И ночью, и днем работают'; Тиити сиилэстэри түөрбүт 'Вырвал дерево с корнями'. Во-вторых, в долганском языке эта форма практически не встречается, во всяком случае, как падежная форма, выражающая прямое дополнение. Замечание Е.И.Убрятовой об употреблении ее как падежной в якутской оригинальной и переводной художественной литературе подтверждает это. Долганский язык в настоящее время не является активным языком художественной литературы.

Кроме того, еще С.В.Ястремский отмечал, что слово на -лары всегда обозначает сопутствующий предмет при имени в винительном падеже (или всегда логически подразумеваемом) [11, с. 54]. Функционально они однородны, т.е. употребляются только в сочетании однородных членов предложения, которые составляют либо совокупность предметов, целиком подвергшихся действию, либо совокупность частей одного предмета, также целиком подвергающихся действию. Форма -лары легко разлагается на аффикс множественного числа -лар, который, потеряв значение простой множественности, выражает в данном случае совместность, совокупность, сбирательность, и на -ы – собственно аффикс винительного падежа. Можно считать, что это особенный вариант употребления винительного же падежа – выразителя прямого объекта, а не отдельное средство его выражения. В "Грамматике современного литературного якутского языка" предлагается заменить термин

“винительный-собираемый” (введенный Е.И.Убрятовой) термином “винительный-присоединительный”, что более конкретно характеризует эту форму и приближает к собственно винительному падежу [3, с. 141].

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что форма на -лары в долганском языке не может считаться полноценной формой выражения прямого объекта.

Еще один особенный вариант употребления винительного падежа можно отметить в таких примерах из долганского языка: *Тонус тыллыныны, ньюучча тыллыныны* – барытын истэр ‘И тунгусскую речь, и русскую речь – все понимает’; *Табалыныны бэйэлини минигин выставкага илгэ һылдыбытгара* ‘И оленя, и самого меня возили на выставку’. На первый взгляд, прямое дополнение имеет необычную форму. М.С.Воронкин, отметивший такие формы в есейском говоре якутского языка назвал это двойным склонением, потому что здесь падежных аффикса – совместного падежа -лыын и винительного падежа -ы. Аналогичное явление отмечает Г.Ф.Благова [2, с. 16; 1, с/ 66]. Думается, что в данном случае речь не идет о т.н. “двойном склонении”. Аффикс -лыын здесь не является вполне падежным показателем (вообще совместный падеж в долганском языке встречается крайне редко и только в простом склонении, совместность обычно выражается с помощью послелого, как в большинстве тюркских языков) и выступает прежде всего как одно из средств оформления однородных членов предложения со значением совместности. Поэтому-то возможно было присоединение к нему еще и аффикса винительного падежа. Падежный аффикс является конечной формой слова. Это просто доказывает, что положение аффикса -лыын как падежного в долганском языке не твердо, не стабильно, что и показывает редкое употребление этой формы в речи. В якутском языке это тоже как падеж относительно новое образование. Оно постепенно превращалось из средства оформления однородных членов предложения в падежный аффикс, и только в тех случаях, когда слово с -лыын как бы выходило из сочетания и становилось косвенным дополнением [8, с. 250; 9, с. 123-124]. Поскольку долганский язык в целом отражает раннее состояние якутского языка, то можно предположить, что в языке долган сохраняется один из ранних этапов формирования этой формы как падежной. Она не вполне еще падежная, потому и приняла после себя еще один аффикс – аффикс винительного падежа для выражения прямого объекта. Такое употребление данной формы тоже можно отнести к особенному варианту функционирования

винительного падежа – как выразителя прямого объекта. Это однородные дополнения, причем они однородны с прямым дополнением (в первом предложении с *барытын* ‘всё’, во втором – с *минигин* ‘меня’), потому и приняли его форму, т.е. оформились этим же падежом. В предложении они являются прямыми дополнениями, выражая одно синтаксическое отношение, а не два – по числу форм (лыын+ы).

Исходный падеж, отмеченный как еще одна форма выражения прямого объекта, на самом деле не является его закономерным и постоянным выразителем. И у Е.И.Убрятовой, и в академической грамматике якутского языка приведен всего один пример: *...отонуттан сиэтэ* ‘... ягод своих поела (букв.: от ягод)’ [8, с. 134; 4, с. 26].

В долганском языке примеров тоже крайне мало. В якутском и долганском языках есть специальный выразитель прямого объекта в партитивном значении – частный падеж. У исходного падежа такое его употребление можно расценить как остаточное проявление своего древнего состояния, когда частный падеж в якутском языке еще не оформился и партитивность выражала эта форма (как сейчас в большинстве тюркских языков). Долганский вариант приведенного выше примера: *Һуунуттан һиэтэ*. В стихотворении долганской поэтессы О.Аксеновой обнаружился следующий пример: *Кыспыттан, тылтан тизэйэммит табаннан тыаттан киирдибит* ‘Погрузив строганины, языков, на оленях из тундры приехали (букв.: от строганины, от языков)’ [сб. стихотворений “Тыатаатыкаан”. – Красноярск, 1979. – С. 16].

Такие редкие, как бы случайные, “неожиданные” проявления падежа привлекают внимание, так как именно они нередко способны привести к интересным наблюдениям. Об исходном падеже, по-видимому, нельзя говорить как об истинной форме, выражающей прямой объект. Дело в том, что эта функция принимается ею от выпавшего (опущенного) члена предложения. Это происходит во избежание повтора, неблагозвучия [5, с. 121]. Исходный падеж как бы “фиктивный”, случайный выразитель прямого объекта, из-за выпадения еще одного члена предложения – имени в основном падеже. Если бы мы восстановили этот опущенный член предложения, то фраза звучала бы примерно так: *Отонуттан отон сиэтэ* ‘Поела ягод от своих ягод’. Функцию прямого дополнения выполняет имя в основном падеже – законный выразитель прямого объекта. Или: *Кыспыттан кыспыт, тылтан тыл тизэйэммит...* ‘Погрузив строганины от строганины, языков от языков...’. Роль прямого

дополнения выполняли бы в этом случае слова “кыспыт”, “тыл” – имена в основном падеже. Они выпали по стилистическим соображениям, во избежание повтора, неблагозвучия и их функция перешла к имени в исходном падеже.

Точно в такой ситуации встречается исходный падеж в функции подлежащего. Эта функция опять-таки “фиктивна”, так как она также вторична, примеров такого рода в языке чрезвычайно мало. Тем не менее приводимый пример подтверждает вышеописанный тезис. Имя с падежным аффиксом употреблено также в партигивном значении: Онно баар этилэрэ ненецтартап, дулгааннартап, ньюуччалартап ‘Там были из ненцев, из долган, из русских’. Данное предложение без опущения звучало бы так: Онно баар этилэрэ ненецтартап ненецтар, дулгааннартап дулгааннар, ньюуччалартап ньюуччалар ‘Там были ненцы из ненцев, долганы из долган, русские из русских’. В этом случае подлежащее имеет форму основного падежа – форму законного выразителя этого члена предложения.

Можно констатировать, что употребление исходного падежа как формы прямого дополнения или подлежащего вторично и редко. Это случайное проявление падежа при особых обстоятельствах, поэтому оно не является закономерным, полноценным выразителем прямого объекта.

Таким образом, действительными, полноценными формами выражения прямого объекта в долганском языке остаются три падежа: основной, винительный, частный, для которых эта роль является характерной, первичной, закономерной их функцией.

Все три падежа призваны выразить разную семантическую задачу характеристики объекта. Синтаксически они одинаковы. Обозначение определенности/неопределенности объекта в долганском языке остается их сопутствующей задачей. Главное для них – выражение взаимоотношений между объектами и действием. Речь идет о взаимоотношении между объектом и действием в плане определения степени их семантической связи между собой. Эта связь в преимущественных проявлениях вышеуказанных падежей является разной. Так, в основном падеже действие и объект сливаются, т.е. действие семантически охватывает объект, растворяет его в себе. В винительном падеже, наоборот, объект четко отделен от действия и поэтому определен. Частный падеж несет свою семантическую нагрузку, выражая своеобразным образом промежуточную степень данного признака.

Речь здесь идет не столько о распространении, о воздействии действия на объ-

ект, сколько о степени семантической их близости между собой. Эта связь, являясь контрастной в крайних проявлениях двух первых падежей, представляет в комплексе целостную картину перехода значений одного падежа в другой. Все три падежа выражают разную степень охвата объекта действием: их тесное слияние, нераздельность объекта и действия или раздельность, расчлененность представления об объекте действия и о самом действии, а также промежуточную между ними степень данного взаимоотношения.

Основной падеж выражает неопределенный объект, который мыслится нераздельно с действием, а в крайних проявлениях сливается с ним, образуя единый лексико-семантический комплекс. “Прямое дополнение входит в единый комплекс развернутого глагольного сказуемого, противопоставляемый в предложении подлежащему” [7, с. 195]. Мин эт киллэрэбин ‘Я вношу (в дом) мясо’. Внимание говорящего акцентируется здесь на действии (я занимаюсь этим делом), объект лишь упоминается. Наиболее ясно такое свойство основного падежа видно из следующих примеров: Мин ас буһарабын ‘Я варю еду’ или точнее ‘Я готовлю’; Гинини ого ыныам ‘Я сделаю его ребенком’ или точнее ‘Я его усыновлю’ и т.д.

Это явление отметил еще К.Грэнбек. Он писал, что объект в основном падеже является лишь органическим придатком, характеризующим действие, на которое сосредоточено внимание, и считал это наиболее древним типом взаимоотношений объекта и действия в тюркских языках [13, с. 165-166]. В основном падеже наблюдается наивысшая степень охвата объекта действием.

Винительный падеж обозначает определенный, индивидуализированный, а в крайних проявлениях актуализированный объект, и то, что объект и действие мыслятся расчлененно, они разграничены. Внимание говорящего акцентируется на объекте. Например: Мин кинигэни аактым ‘Я книгу прочитал’. Или: Мин бу кинигэни аактым ‘Я эту книгу прочитал’. Если в основном падеже употребляются только имена нарицательные и только в единственном числе, потому что в данном случае надо лишь назвать объект, то имена собственные, имена во множественном числе, местоимения, различные определения при именах – это прерогатива винительного падежа и это согласуется с вышеуказанной природой взаимоотношений объекта и действия, выражаемых этой формой. Винительный падеж выражает наименьшую, точнее нулевую степень охвата объекта действием.

Между этими оппозиционными в семантическом плане падежами промежуточное

положение занимает частный падеж, выражающий в целом неопределенность объекта, но который в силу партитивного значения все-таки более конкретизирован (в сравнении с именем в основном падеже). Частный падеж, кроме того, может обозначать "частичную" определенность предмета из-за возможности принятия именем качественно-количественного определения, а также наличия у этой формы притяжательного склонения (в отличие от якутского языка). Эти особенности употребления в какой-то степени конкретизируют объект, но не индивидуализируют его. Например: Таһаараттан маста кылгэр 'Занеси с улицы дров'; Ыһлаас миинэн иһэрдин 'Теплого супа дайте'; Икки кинигэҕэ ыл 'Возьми две книги'.

По своим значениям этот падеж сближается то с основным, то с винительным падежами, но не "превращается в них" в силу только своего партитивного содержания и формы глагола (императива) при нем. Его значения заполняют семантическое пространство между резко противопоставленными значениями основного и винительного падежей. По выражению степени охвата объекта действия частный падеж занимает промежуточное положение.

В системе падежей в семантическом плане эти три падежа образуют свою группу по выражению разной степени охвата объекта действием. Основной и винительный падежи, как более древние формы, занимают противоположную позицию. Позиция падежа отчасти отражает историю его возникновения в языке. Падежи образовались прежде всего как выразители четкой оппозиции, что и показывают основной и винительный падежи. Частный падеж, значения которого сформировались в более позднее время, не имеет четкой семантической позиции по отношению к двум ранним падежам и в смысле обозначения определенности/неопределенности объекта, и в выражении какой-либо определенной степени охвата объекта действием.

То же самое, кстати, можно сказать об исходном и дательном падежах, выражающих пространственные признаки (здесь берется во внимание только их пространственное значение, связанное с движением). Исходный падеж обозначает начальный, исходный пункт движения, дательный падеж — конечный пункт. Они — формы наиболее четкой в семантическом плане оппозиции. А орудный падеж (более поздний, но с известной диахронической поправкой) занимает промежуточную позицию, выражая процесс движения, а точнее место протекания действия (после начала движения, но еще до достижения конечного пункта).

Эти две группы падежей, образуют каждая свой ряд внутри падежной системы только в семантическом плане. В синтаксической сфере употребления они характеризуются по-другому. Каждый падеж может быть систематизирован по лексико-синтаксической линии и входить одновременно в два ряда оппозиций. Основной, винительный и частный падежи объединены по выражению разной степени охвата прямого объекта действием в семантическом аспекте, а в синтаксическом — они все, независимо от этого ряда, являются падежами дополнения вообще: определенного или неопределенного как объект, нейтрального к выражению какой-либо степени охвата объекта действием. Кроме того, основной падеж, как падеж подлежащего, противопоставит этим и всем остальным падежам.

В ряду сводимых к одному общему значению этих падежей можно заметить случаи их "неожиданного" употребления. Так, винительный падеж может выражать неопределенный объект, а основной падеж в некоторых своих проявлениях приближается к обозначению определенного объекта (в позиции прямого дополнения после глагола-сказуемого, вообще в отстоящей его позиции, а также когда имя принимает определение). Такое употребление этих падежей находится за пределами сводимого ряда их значений, поэтому довольно редко встречается. Примеры: 1. Таһаан кыһаан кэлүйбэшин 'Не умею запрягать оленя'; Кинигэни аарыа — үтүһү билиэн 'Будешь читать книгу — много будешь знать'. 2. Гинилэргэ биэрбиттэрэ күлүүс һаһа квартираттан 'Им дали ключ от новой квартиры'; Бииргэһэ буолбут һайыңны кыһа 'Один из них стал летним песком'.

Объяснить такой факт можно, видимо, тем, что каждый падеж имеет две сферы употребления: семантическую и синтаксическую. При контаминации этих сфер, например, семантические значения падежей нейтрализуются, и падежи начинают функционировать только как падежи дополнений на синтаксическом уровне и при этом выражать противоречивые с семантической точки зрения значения.

Можно отметить, что и падежи, выражающие различные пространственные признаки и объединенные этим признаком в отдельную группу в семантическом плане, на синтаксическом уровне распадаются, так как их семантические значения нейтрализуются и все они одинаково являются падежами косвенного дополнения.

Таким образом, в долганском языке, в отличие от якутского языка, можно констатировать три формы выражения прямого объекта: основной, винительный и частный

падежи. Форма на -лары ("винительный-собираТЕЛЬный" п.) как падежная форма, выражающая прямой объект, для долганского языка не характерна и в речи практически не встречается. Исходный падеж может выражать прямой объект очень редко и только в особых обстоятельствах, в случае выпадения члена предложения в форме основного падежа — истинного выразителя прямого объекта. Это "случайное", вторичное, а не закономерное свойство исходного падежа. Для трех падежей, выражающих прямой объ-

ект в долганском языке, данное свойство является их первичной, закономерной ролью в речи. Эта роль в первую очередь характеризуется их призванием выражать особые взаимоотношения и действия в предложении, а именно — обозначением разной степени семантической связи между ними. При этом выражение определенности или неопределенности объекта остается их сопутствующей задачей.